

Спина Шэнь Цинжання заледенела и окаменела, словно те муравьи, что копошились на нем, вдруг юркнули за шиворот и поползли по шее. По коже побежали мурашки.

И он прекрасно понимал: это от страха.

Он знал, в какую ярость придет Сюэ Фэйфэн. Сколько бы он ни клялся, что сможет выпутаться без единой царапины, это всё равно не оправдывало его одиночную вылазку во вражеский лагерь.

Но Шэнь Цинжань не был хрупкой девицей. Он помнил строки: «Жаль тех, чьи кости белеют у реки Удин, ведь они всё еще сняты женам в весенних покоях». Когда он был совсем маленьким, отец однажды отправился на опасное задание, и Шэнь Цинжань остался дома с матерью, томясь в ожидании. В те три дня его вечно ленивую маму, словно подменили, с утра до ночи она хлопотала по хозяйству, не позволяя себе ни минуты покоя. Её осунувшееся лицо и тревожный взгляд стали единственной мрачной тенью в его безоблачном детстве.

Если у него есть силы и способности сражаться бок о бок с Сюэ Фэйфэном, с какой стати он должен сидеть дома и ждать?

Однако Сюэ Фэйфэн не позволил ему пойти.

Но у Шэнь Цинжання были свои методы. Никакой императорский дворец не смог бы его удержать.

— Повернись! — рявкнул Сюэ Фэйфэн, сдерживая порыв спрыгнуть с коня и заключить Шэнь Цинжання в объятия.

Генерал, только что одержавший грандиозную победу, еще мгновение назад мечтал как можно скорее вернуться к Шэнь Цинжаню, чтобы сообщить: война окончена, впереди их ждет долгая и счастливая жизнь. Но увидев его здесь, наяву, Сюэ Фэйфэн испытал невыразимый, леденящий душу страх, сменившийся глухой яростью.

Как он посмел?!

Как он посмел в одиночку проникнуть в стан Шань Вэньяо?!

Клинки слепы, шальная стрела не разбирает, кто перед ней. А если бы его личность раскрыли?.. Сюэ Фэйфэн с такой силой сжал поводья, что побелели костяшки, боясь даже представить, чем бы всё это обернулось.

Если бы Шэнь Цинжань просто сбежал к нему в лагерь, Сюэ Фэйфэн не злился бы так сильно. Сейчас он корил себя: зная характер Шэнь Цинжання, как он вообще мог надеяться, что тот будет смирно сидеть в столице! Сюэ Фэйфэн злился не только на него, но и на самого себя.

Чан Бай впервые слышал, чтобы генерал повышал голос на супругу, и невольно сжался от страха за нее. Впрочем, в голове у него тоже не укладывалось: огромный императорский дворец, тысячи глаз, и как же госпожа умудрилась сбежать оттуда в одиночку? Похоже, генералу предстоит серьезный разговор с Чан Мином и Чан Чань, и пощады им не видать.

«А наша госпожа всё-таки невероятна!» Главные фигуры новой столицы — Шань Вэньяо, император и Линь Шунь — никто из них не избежал ее ловушки, все трое сейчас лежат без сознания. Чан Бай, восхищаясь методами госпожи, разделял страх генерала: лавировать между тремя такими силами... Случись что, кто бы за это ответил?

Услышав окрик, Шэнь Цинжань нехотя повернулся, не смея поднять глаза на темный, сгущающийся бурей взгляд мужа. Он совершенно не представлял, как задобрить его.

А ведь встреча должна была быть радостной.

— Я... я виноват, — прохрипел Шэнь Цинжань.

Его горло, недавно сдавленное руками Линь Шуня, еще болело, и от малейшего усилия при разговоре к горлу подкатывала тошнота.

Сюэ Фэйфэн заставил себя остаться непреклонным. Он был уверен: Шэнь Цинжань снова притворяется жалким. Это был его излюбленный трюк — сделать голос чуть слабее и жалобнее, чтобы мгновенно вызвать в нем чувство вины и сострадания.

На эти уловки Сюэ Фэйфэн попадался бесчисленное количество раз. Он почти никогда не мог устоять перед его просьбами, не мог ни ругать, ни наказывать, в итоге избаловав так, что тот совсем потерял страх, и теперь с легкостью растоптал все его границы.

«Больше никаких поблажек. Надо преподать ему урок».

— Протяни руки, — ледяным тоном скомандовал Сюэ Фэйфэн, восседая в седле, подобно грозному и неприступному божеству.

— А? — Шэнь Цинжань в оцепенении вытянул руки, сведя тонкие запястья вместе и раскрыв ладони.

Неужели Сюэ Фэйфэн собрался его бить?

Он с трепетом слегка отдернул руки, но затем, собрав волю в кулак, вытянул их еще дальше.

Ладно, пусть бьет. Чем быстрее ударит, тем быстрее всё закончится.

Сюэ Фэйфэн достал хлыст, закрепленный на седле, и ловким движением, словно змея, обвивающая добычу, обмотал его вокруг запястий Шэнь Цинжаня. Пришпорив коня, он двинулся вперед, таща Шэнь Цинжаня за собой, словно пленника.

Шэнь Цинжань, ускоряя шаг, поспевал за лошадьё. Хлыст на запястьях был затянут не туго: стоило лишь слегка потянуть — и он бы распутался.

Быть привязанным к коню на глазах у всех — то еще унижение, но, рассудив, что знакомых здесь почти нет, Шэнь Цинжань смирился.

Он понимал, что Сюэ Фэйфэн намеренно сбавил темп, но он так устал за сегодняшний день, что не хотел делать ни единого шага. Шэнь Цинжань семенил за конем, думая: уж лучше бы его просто волокли, хоть какая-то экономия сил. Но стоило хлысту натянуться, как петля грозила развязаться.

А если развяжется, не разозлится ли Сюэ Фэйфэн еще больше?

И Шэнь Цинжаню приходилось пыхтеть и бежать трусцой.

Сюэ Фэйфэн планировал остановиться, как только хлыст соскользнет. Это означало бы, что Шэнь Цинжань выбился из сил.

А раз выбился из сил, то можно будет и проявить снисхождение.

Он терпеливо ждал, но Шэнь Цинжань позади него бежал на удивление бодро, демонстрируя упрямство в духе «Я смогу! Я еще могу бежать!».

И что это значит? Хочет доказать, что годится для работы быть тайным агентом?

Сюэ Фэйфэн усмехнулся и уже собирался прибавить ходу, чтобы утащить Шэнь Цинжаня во дворец и там как следует проучить, как вдруг позади раздался обиженный, дрожащий голос:

— Сюэ Фэйфэн, помедленнее.

Шэнь Цинжань больше не мог бежать. Он вспомнил, как сегодня утром неся за лошадьёу Шань Вэньяо восемьсот метров с тяжелой аптечкой в руках.

Сюэ Фэйфэн оказался таким же тираном, как и Шань Вэньяо.

Стоило ему перейти на бег, как муравьи на его плечах, словно испугавшись, что их стряхнут, начали судорожно карабкаться к самому вороту. И хотя они его не кусали, соседство с ядовитыми насекомыми вызывало у Шэнь Цинжаня леденящий ужас и отвращение, а помочь было некому.

А Сюэ Фэйфэн даже пальцем не пошевелил, чтобы ему помочь.

От этих мыслей Шэнь Цинжаню стало невыносимо обидно. Он тоже весь день жил в страхе, а Сюэ Фэйфэн при встрече даже ласкового слова не сказал! Линь Шунь его чуть не задушил, а ему хоть бы хны! По нему муравьи ползают, а он делает вид, что не замечает!

А ведь раньше Сюэ Фэйфэн носил его на спине в поле, только потому, что он дождевых червей боялся!

От такого разительного контраста Шэнь Цинжань остановился, а его глаза медленно наполнились слезами.

С самого детства он рос в любви и заботе, а потом его баловал Сюэ Фэйфэн. Психологически Шэнь Цинжань никогда не знал настоящих лишений. Его рвение к сельскому хозяйству было искренним, но это не значило, что ему не нравилось слышать от Сюэ Фэйфэна: «Жань-Жань, хватит работать, отдохни».

Во рту появился горький привкус. Шэнь Цинжань упрямо сглотнул подступающий ком, отчего больное горло заняло еще сильнее.

— Я больше не могу идти, — Шэнь Цинжань просто плюхнулся на землю и скривил шею влево.

Муравьи сгрудились на правой стороне его воротника, отчего шея окончательно затекла.

Эти слова болью отозвались в сердце Сюэ Фэйфэна. Какая уж тут холодность! Он мигом спрыгнул с коня, опустился на колени перед Шэнь Цинжанем и только собирался спросить, усвоил ли тот урок, как его взгляд намертво приковала шея парня.

Пять четких багровых синяков — отпечатков пальцев — резали глаз. Сюэ Фэйфэн отчетливо представил, в какой смертельной опасности находился Шэнь Цинжань и как он задыхался.

— Кто это сделал? — взгляд Сюэ Фэйфэна потемнел и стал похож на взгляд Янь-вана (Владыки

Ада), явившегося с поля брани. Стоит Шэнь Цинжаню лишь назвать имя, и он тотчас заберет душу этого человека.

Неудивительно, что голос Шэнь Цинжана звучит так странно...

Он дрожащей рукой потянулся к синякам, желая дотронуться, но тут же заметил копошащуюся у воротника черную массу муравьев.

Ранее, когда Шэнь Цинжань натянул воротник повыше, он не заметил следов удушения — это еще можно было понять. Но как он мог в порыве гнева проигнорировать тех самых муравьев, которых видел на нем еще раньше?!

Сюэ Фэйфэн корил себя. Видя, как Шэнь Цинжань выгибает шею, стараясь уклониться от них, он осторожно взял его за плечи и начал мягко уговаривать:

— Не бойся, Жань-Жань, я сейчас их уберу.

— Не трогай их, они смертельно ядовиты! — Шэнь Цинжань поспешил его остановить.

Зрачки Сюэ Фэйфэна сузились, и он словно провалился в ледяную прорубь:

— Они тебя укусили?

— Нет, — пояснил Шэнь Цинжань. — Это я их призвал. Один укус их жала — и человек мертв. Не трогай их руками, найди какую-нибудь емкость.

Если бы не они, я бы уже был мертв.

Сюэ Фэйфэн судорожно сорвал с шеи коня бурдюк, выплеснул остатки воды, затаил дыхание и, прижав горлышко к одежде Шэнь Цинжана, с помощью небольшой палочки загнал муравьев внутрь.

Убедившись, что не осталось ни одного, Сюэ Фэйфэн, чьи нервы и так были натянуты как струна, взорвался:

— Шэнь Цинжань! Тебе жить надоело?! Как ты мог держать такую дрянь на себе!

— Они меня не кусают, — робко оправдывался Шэнь Цинжань.

Сюэ Фэйфэн, не отрывая взгляда от следов удушения на шее, внезапно всё понял:

— Это сделал Линь Шунь?

Линь Шунь загадочным образом оказался в императорском дворце, да еще и отравленным. А Шэнь Цинжань, до смерти боясь змей, насекомых и прочих тварей, ни за что не стал бы призывать ядовитых муравьев без крайней необходимости.

Шэнь Цинжань кивнул:

— Он пришел к Шань Вэньяо и попытался меня схватить. Так что, кто-то уже помог тебе проучить меня. Я больше так не буду. Ты не сердишься, да?

Сюэ Фэйфэн привлек Шэнь Цинжана к себе, непрерывно глядя его по темным волосам и плечам, словно сжимая в объятиях вновь обретенное сокровище.

— Ты хоть понимаешь, насколько это было опасно?! Ты понимаешь, что моя жизнь зависит от тебя?! Если бы с тобой что-то случилось, я бы...

— Прости.

— И что мне с тобой делать! — Сюэ Фэйфэн беспорядочно покрывал поцелуями его шею. — Если в следующий раз вздумаешь сбежать, лучше сразу убей меня... Это моя вина, мне не следовало оставлять тебя одного в столице, я должен был предвидеть...

Шэнь Цинжаню, слушая его слова, тоже стало не по себе. При чем тут «убить»?

— Я... я правда просто хотел помочь. Я не хотел, чтобы ты волновался. Сюэ Фэйфэн, давай в будущем ты будешь брать меня с собой, ладно? Я не боюсь трудностей...

Сюэ Фэйфэн поднял его на руки и шаг за шагом направился к дворцу:

— Хорошо.

Теперь, когда воцарился мир, им больше не придется расставаться.

Отныне он будет лично присматривать за Шэнь Цинжанем и не доверит это никому другому.

Шэнь Цинжань, обняв Сюэ Фэйфэна за шею, наконец-то расслабился. Словно распутившийся после дождя цветок мака, он поднял лицо к генералу и прошептал одну фразу.

Сюэ Фэйфэн замер.

Шэнь Цинжань сказал:

— По натуре я ленив, но когда люблю тебя — становлюсь усердным.

Это был первый раз, когда Шэнь Цинжань произнес слово «люблю».

Сюэ Фэйфэн всегда считал, что при их глубокой привязанности слова о любви не так уж и важны. Но, услышав это своими ушами, он почувствовал, как его сердце пропустило удар.

— Девятнадцатого числа этого месяца мы поженимся, — Сюэ Фэйфэн в некоторых вопросах был не красноречив. Огромная, тяжелая как сама жизнь любовь теснилась в его груди, но после долгой паузы он смог произнести лишь эту фразу.

— Не слишком ли торопимся? — щеки Шэнь Цинжана слегка зарделись. Оставалось всего девять дней. Если вычесть время на дорогу, то им придется сыграть свадьбу на следующий же день после возвращения в старую столицу!

— Главное, чтобы ты был готов, — Сюэ Фэйфэн посмотрел на него сверху вниз. — Всё будет по моему замыслу, так что чем скорее, тем лучше. А если боишься, что церемония будет недостаточно пышной, мы потом можем сыграть еще десять-восемь таких свадеб.

Сплошная выгода — целая куча брачных ночей.